

Текст для Международного признания (ICPP 2021, Россия)

Мы предлагаем всем философам-практикам увидеть значимую связь между философской практикой и мыслями Толстого и Достоевского. Мы полагаем, что наиболее важные моменты, присутствующие на каждом сеансе философской практики, можно отыскать и в их произведениях. Вот эти моменты:

1. Каждая концепция и теория в философской практике зиждется на персональном опыте, под которым также подразумевается вовлеченность в повседневные жизненные события: философские концепции и теории отражают этот опыт, описывают его трансформацию и развитие. Это справедливо также для чисто интеллектуальной работы, потому что любая абстракция служит лучшему пониманию повседневного жизненного опыта. Не преувеличивая значение этого второго абстрактного шага, философы-практики считают более важным первый шаг, в этом отличительная особенность их работы.
2. Второй момент – это неизменная, конституирующая, непрерывная связь мысли (даже самой абстрактной) и чувств.
3. Третий момент – это концентрация на диалоге, что означает концентрацию на понимании другого человека, другого «я», того, что составляет уникальность любого человека.

Мысль, глубоко укоренившаяся в чувствах, как раз и является отличительной особенностью произведений Толстого и Достоевского.

Вторым важным аспектом, характеризующим этих мыслителей, является центральная роль диалога, особенно внутреннего диалога, создающего полифонию идей.

У Толстого и Достоевского (в их творчестве в целом, а также в каждом персонаже их романов) «мысль» означает «диалог», а точнее «диалог идей и / или воли», внутренний диалог, связанный с чувствами и переживаниями. Это также самые важные элементы «мысли», как она понимается в философской практике. Основное слово в этом контексте – «голос», которое имеет двойное значение: это «голос» как понятие или общий план, когда он связан с переживаниями и чувствами, но его также можно рассматривать в соответствии с индивидуальной, личностной перспективой. Мысли – это встречи голосов, в основном внутренних голосов, даже самых разноречивых, взаимно противоположных голосов, с которыми экспериментирует каждый философ-практик.

Вот цитата из произведения Толстого «Смерть Ивана Ильича». Основное внимание уделяется герою, уже находящемуся на поздней стадии болезни, при смерти:

— Чего тебе нужно? — было первое ясное, могущее быть выражено словами понятие, которое, он услышал. — Что тебе нужно? Чего тебе нужно? — повторил он себе. — Чего? — Не страдать. Жить, — ответил он. И опять он весь предался вниманию такому напряженному, что даже боль не развлекала его. — Жить? Как жить? — спросил голос души. — Да, жить, как я жил прежде: хорошо, приятно.— Как ты жил прежде, хорошо и приятно? — спросил голос. И он стал перебирать в воображении лучшие минуты своей приятной жизни. Но — странное дело — все эти лучшие минуты приятной жизни казались теперь совсем не тем, чем казались они тогда. Все — кроме первых воспоминаний детства. Там, в детстве, было что-то такое действительно приятное, с чем можно бы было жить, если бы оно вернулось. Но того человека, который испытывал это приятное, уже не было: это было как бы воспоминание о каком-то другом.

У Толстого этот диалог внутренних голосов выражен, усилен и представлен как разные точки зрения, оживающие в разных переживаниях или чувствах. Толстой раскрывает и усиливает этот диалог внутри одних и тех же переживаний, внутри восприятий одного и того же тела; однако Достоевский больше ориентирован на развитие этого внутреннего диалога и внутренних конфликтов и, таким образом, на полное идейное развитие этих глубоко разработанных переживаний и чувств.

Именно в этих моментах философская практика ясно выражает свои отличительные характеристики и своеобразие. Каждый практикующий философ может легко распознать эти аспекты в своей работе.

В соответствии с вышеизложенным, прилагаем к этому документу фрагменты из четырех других очень коротких текстов Толстого и Достоевского.

«Да, я мучаю их, — подумал он. — Им жалко, но им лучше будет, когда я умру». Он хотел сказать это, но не в силах был выговорить. «Впрочем, зачем же говорить, надо сделать», — подумал он. Он указал жене взглядом на сына и сказал: — Уведи... жалко... и тебя... — Он хотел сказать еще «прости», но сказал «пропусти», и, не в силах уже поправиться, махнул рукою, зная, что поймет тот, кому надо. И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. «Как хорошо и как просто, — подумал он. — А боль? — спросил он себя. — Ее куда? Ну-ка, где ты, боль?» Он стал прислушиваться. «Да, вот она. Ну что ж, пускай боль». «А смерть? Где она?» Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет. — Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость! Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого

мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его kloкотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье. — Кончено! — сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, — сказал он себе. — Ее нет больше». Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер.

Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича

Где это, — подумал Раскольников, идя далее, — где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше жить так, чем сейчас умирать!

Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание

Если бы в литературе всех веков и народов пожелали мы найти художника, наиболее противоположного Л. Толстому, то нам пришлось бы указать на Достоевского. Я говорю — противоположного, но не далекого, не чуждого, ибо часто они соприкасаются, даже совершенно совпадают, по закону сходящихся крайностей, взаимного тяготения двух полюсов одной и той же силы.

Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЭТИ ТОЧКИ КАК НАСТОЯЩЕЕ И ОСНОВНОЕ ДЛЯ КАЖДОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ. КАЖДЫЙ УЧАСТНИК МОЖЕТ ОТПРАВИТЬ НАМ НА НАШУ ПОЧТУ СОГЛАШЕНИЕ ИЛИ ОТНОШЕНИЕ...